

И.Д. Егорова

Лингвостилистические особенности поэмы Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание книге Иова»

Аннотация: В статье рассматриваются лингвостилистические особенности стихотворного переложения Книги Иова, сделанного Ф.Н. Глинкой. Раскрытие душевного состояния лирического героя поэмы осуществляется через разнообразные лексические и синтаксические средства. Основную роль, особенно в пейзажных зарисовках, играют метафора и близкое ей сравнение. Посредством этих тропов, а также разного рода повторов – корневых и словесных – Глинка показывает внутренние переживания Иова. В главах, повествующих о душевных и физических страданиях Иова, широко использованы экспрессивная лексика, синонимы и антонимы, а также риторические вопросы и восклицания, которые усиливают эмоциональный тон повествования. Отмечена роль в организации стиха таких средств художественной выразительности, как анафора, аллитерация, ассонанс, риторический вопрос. Затронут вопрос авторской пунктуации.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, метафора, сравнение, повтор, экспрессивная лексика, аллитерация, ассонанс, анафора, риторический вопрос, побудительные предложения

Abstract: The article explores linguistic and stylistic characteristics of the poetic paraphrase of the Book of Job by Fedor Glinka. The state of mind of the poem's narrator is revealed by means of his vocabulary and syntax. Metaphor and simile play the main part, especially in the descriptions of landscapes. Glinka uses these tropes as well as various repetitions – both root and word ones – to show the inner suffering of Job. Chapters describing the mental and physical suffering of Job contain evocative vocabulary, synonyms and antonyms as well as rhetorical questions and exclamations that intensify the emotional tone of narration. The article discusses such literary devices as anaphora, alliteration, assonance, and rhetorical question that help to organize the poem. Authorial punctuation is discussed as well.

Key words: linguistic and stylistic characteristics, metaphor, simile, repetition, evocative vocabulary, alliteration, assonance, anaphora, rhetorical question, imperative sentences

Декабристские воззрения Ф. Глинки, призывы к борьбе с самодержавием, деятельность в тайных обществах послужили причиной его ссылки в Петрозаводск в 1826 г., хотя он и не принимал непосредственного участия в восстании дека-

бристов. В этот период олонечкой ссылки тематика его стихов меняется. В них звучит тоска по родному краю, по свободе, жалобы на горькую судьбу ссыльного, уныние и грусть, рассуждения о жизни и смерти. Он называет себя страдальцем и описывает свою «многострадальную жизнь» в «Иов. Свободное подражание книге Иова», над которой начал работать во второй половине 1820-х гг. и закончил в начале 1830-х (предисловие датировано 20 июля 1834 г.). В ней поэт сделал попытку переложить слогом стиха одну из главных Книг Библии.

В этой Книге повествуется о том, что Иов из земли Уц был благочестивым и добродетельным человеком, всегда почитал Бога и был покорен Его закону, поэтому достойно наслаждался блаженной жизнью. Сатана решается искутить его, и Бог соглашается: Иов лишается детей, всех благ, на него насылается проказа – и Иов взывает к божественной справедливости. Своим несокрушимым терпением, основанным на вере, он победил дьявола, заслужил право беседовать с Богом, и Бог возвратил ему здоровье, снова одарил его богатством и дал ему столько же детей, сколько было у него прежде. Судьба Иова своего рода прототип человеческой судьбы на земле. Древнееврейскому народу было свойственно убеждение, что блага жизни и счастье даются человеку за добродетельную жизнь. И если блага жизни у него отнимаются, значит, человек согрешил. Принять безвинное страдание при таком подходе трудно.

Как и «Опыты священной поэзии», это свободное переложение священного текста Книги Иова, отличающееся от своего источника. «Писатель не следует буквально за библейским текстом, организует повествование по собственной эстетико-смысловой логике (пролог, пейзажные самостоятельные картины, драматизация повествования, расширение пространства действия и заполнение его собственным поэтическим миром, эпилог), сохраняя при этом смысл канонического текста и прибегая в отдельных местах к прямому цитированию библейских стихов в своем сочинении»¹. По мнению В.П. Зверева, эту религиозную поэму прежде всего «следует рассматривать не как автобиографическое произведение и не в политическом контексте эпохи, а в контексте духовного становления автора и православной традиции русской литературы»². В «Иове» намечаются многие темы, становящиеся главными в философской лирике Глинки 1840–1870-х гг.

В.Г. Базанов же считает, что «грустная повесть об Иове то и дело перекликается с медитациями олонечкого ссыльного, и очень часто грань между библейским эпосом и лирикой стирается, объективное сливается с субъективным, и наоборот. Из лирического дневника прямым образом переходят в поэму отдельные строки, и поэма вбирает в себя стилистические и фонетические особенности медитативного стиля глинковской лирики»³.

В поэме, как и в «Опытах священной поэзии», много выразительных, поэтических картин природы, полных красочных метафор и сравнений. Они не только выступают как самостоятельные пейзажные зарисовки, но и помогают раскрыть душевное состояние героя. Например, вторая глава, в которой говорится о прибытии друзей Иова, открывается описанием неба над «страной оазисов и пальм»:

Сквозь синий воздух – реки злата
И реки пурпура лились,
И от востока до заката

¹ Зверев В.П. Фёдор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. С. 506.

² Там же.

³ Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961. С. 414–415.

Без грома молнии неслись
 И над оазами сияли
 (Тревожа сон пустынных птиц)
 Разливы пылкие зарниц;
 Или серебряные звезды
 Блистали радостью очей
 На круглом густо-синем своде;
 Или, как млечная река,
 На яхонт неба облака
 Взбегали: виделись пещеры,
 Картины гор и городов,
 И выступали дромадеры,
 Глотая звезды...¹

Эта картина полна красок и света: *синий* воздух, *густо-синий* свод, реки *злата* и *пурпура*, *сияющие* зарницы, *серебряные* звезды, *яхонт* (старинное название рубина, реже – сапфира) неба, звезды *блистали*, белоснежные облака, «как *млечная река*». Развернутые метафоры («звезды блистали радостью очей»; «сияли разливы пылкие зарниц»; «реки злата и реки пурпура лились») сменяются сравнениями («как млечная река») и поэтическими образами («и выступали дромадеры, глотая звезды» – традиционный поэтический образ восточных поэтов, представлявших облака верблюдами, пожирающими звезды).

Похожие картины находим в XXVIII главе и в эпилоге:

Вдали стена зубчатых скал;
 Над нею – купол бирюзовый,
 Под дымкой легких облаков,
 Летучих чад золотого утра,
 Слитых из роз и перламутра...
 (Гл. XXVIII)

Поля Аравии и горы
 Лобзает **синий небосклон**.
 Цветут **младые мандрагоры**,
Мускат, алой и **анемон**;
 Цветет миндаль благоуханный...
 (Эпилог)

Те же радостные краски – синяя, бирюзовая, розовая, золотая, перламутровая, развернутые метафоры, дающие описание неба («облаков, летучих чад золотого утра, слитых из роз и перламутра»; «поля... и горы лобзает синий небосвод»). Ощущение радости подчеркивается аллитерацией на сонорные: в первом отрывке на [л] и [м], во втором – на [л], [н], [м]. Поэт сосредоточивает свое внимание на описании небес как обители Бога, используя для изображения небесных чертогов разные стилистические средства – от звукописи до развернутых метафор.

Яркими красками рисует автор животный мир в XXVIII главе; например, приводится такое описание «пустынного змея»: «радуги играют на зеркальном его хребте: багрянцем, синевом и златом сияя в панцире кольчатом»; или роя насекомых: «дождем из яхонтов живых и злата – то сеется, то вьется рой златолазурных насекомых». Земные пейзажи, хотя и выражают те же чувства, чаще создаются минимумом слов и средств:

¹ Здесь и далее «Иов» цит. по изд.: *Глинка Ф.Н. Сочинения / Сост., послесл. и коммент. В.И. Карпеца. М.: Советская Россия, 1986. Страницы указаны в скобках.*

Тиха пустыня. Воздух ясен.
(Гл. XXVIII)

Весна... В долинах раем веет.
Как сад, пустыня зеленеет,
Тиха, роскошна и светла.
(Эпилог)

Другие оттенки – черный и кроваво-красный – выбирает Глинка, рисуя предгрозовую картину, предвещающую появление Бога:

Вдруг что-то черное мелькнуло,
Как язва, на краю небес,
Растет, растет, все ближе, ближе,
И солнце, *потеряв* лучи,
Побагровело, *зашаталось*
И *покатилось* в море туч,
Как тусклый шар, налитый кровью...

Используя те же приемы – метафору и сравнение, но другие образы, поэт передает чувство страха, которое овладело Иовом. Усиливает это чувство и словесный повтор: «Растет, растет, все ближе, ближе...». Предгрозовая тишина, «как в гробе», сменяется грозой, в описании которой преобладает огненно-красный цвет: «в выси – пожар»; «ураган огнистый», «красные моря песчаны». Сравнения и метафоры (*вьюгой взрылась гладь песка; суетливо побежали... владыки грозного гонцы – ручьи молнии; красные моря песчаны горами поднял*) усиливаются звукоподражанием, создаваемым аллитерацией и ассонансом («**Взвиваясь, вихри засвистали,** / **И** вьюгой **взрылась** гладь песков...»); «Все мчится **ураган** / **Крутой**, огнистый, **бурный**, **рьяный**...»), а также нанизыванием однородных членов («ураган / **Крутой**, **огнистый**, **бурный**, **рьяный**»); «Вдруг протяжный / **Вой**, **свист**, **дождь**, **буря**, **вихрь** и **град** / **Кипят**, **теснятся** и **спешат**»).

В III главе, в которой Иов ропщет, проклиная час своего рождения, ключевыми словами, отражающими эмоциональный тон повествования, являются *скорбь, тоска, мрак, мучения, смерть, страх*. Их многократные повторы, синонимические замены, риторические вопросы и восклицания усиливают экспрессию описания душевных и физических страданий Иова:

Погибни день, когда из **чрева**
На **гибель** вышел я на свет,
И ночь, которая сказала:
«Се, в **чреве** зачат человек!»
.....
И ночь, в которую я зачат,
С тем днем, в который я рожден,
Изглади, Господи! **изглади**
Из книги тайныя Своей,
Из лет, из круга годового!..
.....
Да **заклянет** тот день, ту ночь,
Кто для **заклятий** мощь имеет...
.....
Зачем ты светишь, Божий день?
Чтоб нам показывать, как люди
Томятся, **плачут** и **грустят**?
.....

Я трачу жизнь, теряю силу,
И сам себе свою могилу,
Тоскуя, вырыть бы я рад,
И гроб почел бы я за клад!..

Философские вопрошания Иова, его взывание к Богу, безутешные жалобы находят отклик в душе поэта. Несчастья собственной жизни заставили его осознать, что без веры в справедливость рухнет вся система нравственных ценностей.

Глинка использует разнообразные лексические и синтаксические средства для того, чтобы рассказать о несчастной судьбе страдальца. Главную роль играет экспрессивно окрашенная лексика: *страдалец, мученик, скорбь, гибель, гибнущий, злосчастный, лютый, томиться, плакать, грустить, тоска, слезы, могила, гроб, страх, страшно* и другие.

Многочисленные повторы корней, синонимы и антонимы, подчеркивающие общий семантический признак, яркие сравнения (например, *как кедр, надломленный грозой; рыкаю громче гладных львов; словно ток на дне кремнистом, в моей груди кипит тоска*) доводят эмоциональное напряжение до предела: *Горю и зябну... страшно!.. страшно!!!*

Так как Иов призывает Бога к ответу, то преобладают анафорические риторические вопросы:

Зачем тот день, **зачем** – с той ночью

Мне дали свет увидеть сей?

Зачем я не родился мертвым?

Зачем не умер я – родясь?!

.....

Зачем молилась обо мне?!

.....

Земли небывший населенец,

Зачем я в чреве не погиб...

.....

Зачем ты светишь, Божий день? –

и побудительные предложения, оформленные восклицательным знаком, подчеркивающим чувства, обуревавшие несчастного:

Да будет мрачен он, как полночь,

И душен, как полдневный зной!

.....

Да будет ночь сия бесплодна,

Да будет вся она – болезнь!..

.....

Да ни единая жена,

В часы погубительной той ночи,

Страдальца в чреве не зачнет!

.....

Да заклянет тот день, ту ночь,

Кто для заклятий мощь имеет....

Полные и частичные повторы усиливают, подчеркивают упаднические настроения поэта:

Я буду, буду всё, с тоскою,

Всё беспрерывно изливать <,>

Всю ярость беспредельной скорби:

Скажу и выскажу векам...

.....
Мое всё тело – **струп и струп**...

.....
Как облак дымчатый редеет
И **исчезает** в высоте,
Так я **исчезну!**

Корневой повтор с различными приставками начинает и заканчивает градационный ряд:

...Я весь **разбит**,
Изломан, раздроблен, **убит**...

Эмоциональное описание беспокойного, страшного сна, представленное в виде периода, заставляет автора необычно оформить вторую часть этой стилистической фигуры – понижение: эта часть произносится не с понижением, а с повышением тона голоса, как риторическое восклицание, что фиксируется двумя восклицательными знаками:

То окружен я пустотою,
То черная, в пустыне, ночь
Полна страшилищ: вот их очи
Огнем неистовым горят,
Они в меня вонзают взоры;
То реки с клокотом шипят,
То с грохотом валятся горы –
Всё на меня!!

Такой авторский знак препинания, выражающий сильные чувства и эмоции, встречается в тексте не единожды. Как авторский знак, как фигура умолчания, передающая тревогу, смятение, душевные переживания, часто употребляется многоточие:

Всё тело рушится мое:
То вдруг его облягут раны,
То заживут... И вдруг опять
Моя растрескается кожа
И, гноем налив, болит...
Жизнь, смерть, день, ночь... всё стало смутно...

Восклицательный знак, употребляемый в вопросительных предложениях, также передает акцентированные чувства:

Сомкну ли ночью я глаза
(Страдальцу ночь – долга, как вечность!),
Я пробужусь и говорю:
Когда ж рассвет? Ах, скоро ль утро?!
Приходит утро – я опять,
Вздыхая, вопию: где ж вечер?!

Тире между подлежащим и сказуемым во вставной конструкции – тоже авторский знак, фиксирующий смысловую паузу и заставляющий расставить логические ударения и на подлежащем и на сказуемом. Ср. также знаки препинания на месте нуля знака:

Что – я?..
...Не снять бы всех его грехов –
Из жалости к сей бедной жизни!!

Таким образом, авторская пунктуация в данном тексте помогает читателю услышать и прочувствовать всю боль олонецкого ссыльного.

Страдания Иова описываются в нескольких главах с использованием тех же стилистических средств: метафор (*глаза растаяли от слез; засыпать мразом последний жар моей души; под зноем мук; вонзают взоры; меня изгладят из живых; воду жизни из ваших вычерпать речей* и др.); сравнений (*я брошен бурей, как обломок в грозе морей от корабля; мои бывшие дни мелькнули, будто в зыбких красках мелькает нить за челноком; страдальцу ночь – долга, как вечность; как раб, боящийся лозы; и весь я – как под бурей трость* и др.), антитезы (*друзья, богатые умом, меня в безумьи не вините; о горе, я живой – мертвец; ему и темнота светла*), градации (*я весь разбит, изломан, раздроблен, убит; с мятежным шумом, стоном, ревом*), среди которых ведущими являются сравнение, повторы и экспрессивно окрашенная лексика.

Надо отметить, что метафора, близкое ей сравнение, а также разного вида повторы в поэме являются главными способами организации стиха, призванными отобразить различные внутренние состояния лирического героя.

Поэт, тонко чувствующий звуковую сторону стиха, очень часто прибегает к аллитерациям и ассонансам, которые не только передают звуки природы, но и привлекают внимание к смыслу слов:

но жребий
Их – общий всем: как колос сельный,
Пожнёт их смерть своей косой!!

Пошли орла в разлив лазурный,
Он встретит взором солнца луч,
Крылом прорежет область туч...

Узря, все звезды заиграли,
Зарделися, заликовали...

Надень узду на ураган,
Смири подземных бурь удары...

Вотще и горы подкопал,
Вотще и землю вопрошает:
Богатства мудрости – не в ней!

И Тот, Кто правит бурей духом,
К страдальцу скорбному притек
И над его дрожащим слухом
Слова гремящие изрек...

По звездным царствам, по лазури,
По златозарной вышине...

В XXIV главе Ф. Глинка, не прибегая к иносказанию, открыто критикует несправедливость, царящую на земле. Богатые, – не боясь наказания ни земного, ни небесного, – не считая бедных людьми, спокойно обирают их:

Преступники живут **спокойно**,
Спокойно у сирот берут
Последний родовой участок,
Спокойно чуждые стада
В свои загоны загоняют
И с ветхих рубищ нищеты
Последний лоскут отдирают!
Так бедных мучат, позабыв,
Что те – их братья, те же люди!
Но их считают ли людьми?

Их души, в которые страшно заглядывать, черны, «там все нечисто, все темно! / Они – греха живые гробы...». Тогда как бедные влачат жалкое существова-

ние и только под покровом ночи могут «на полях, уже пожатых, Забытый колос подобрать И пропитать своих младенцев...»:

Как часто острый, горный дождь
Покров убогий пробивает, –
И мать, прижав к груди дитя,
На хладный камень упадает,
Изнеможенная, без сил!..

В этих описаниях главным средством выразительности является значение слов, усиленное словесными и корневыми повторами. Однако, характеризуя имеющих власть и богатство нечестивцев, Ф. Глинка использует иносказание:

И дерзко, парус распустья,
Несутся по морю разврата,
Спеша умчаться, унесться
От тихой ясности душевной
В крутой, мятежный ураган,
И от живых потоков сладких –
В безводье, в знойные пески!..

Его лирический герой обращается к Богу в поисках справедливости, восклицая: «Так где ж над злыми правда здесь?!» Единственным выходом, избавляющим от угнетения, от страданий, Иову представляется смерть – «покой счастливый под хладным черепом земли», которая уравнивает всех: «Там все равны – рабы и князи: / Богач бок о бок с нищим лег».

Там нет насилий, чужд там страх;
Различья нет там земнородным;
Для узников – нет кандалов,
Нет кабалы там для рабов,
Никто не стонет от трудов...
Все – долгий отдых и свобода...

(Гл. III)

Основным приемом является противопоставление, построенное на антонимах *раб – князь, богатый – нищий, труд – отдых, прохладный – палящий, кабала – свобода, темнота – свет*.

В главах, в которых Глинка рассказывает от лица Бога о сотворении мира, напротив, приемы очень разнообразны, от звукописи до стилистических фигур. Например, в описании рождения океана использованы иносказание, восходящая градация (*с мятежным шумом, стоном, ревом*), ассонанс на [о] и [у] и аллитерация на [р] и [л]:

С мятежным шумом, стоном, ревом,
Хотел он звёзды в небе смять,
И жадным бурнопенным зевом
Младую мать свою пожрать...
Я принял на руки младенца.
И, бурный вопль его смиря,
Я спеленал дитя в туманы
И уложил его в постель,
Огородив ее брегами,
И люльку Я завесил мглами...

Ассонанс на [о] и [у] и аллитерация на [р] создают звуковую картину стонущего рева волн, а звук [л] встречается в тех строках (7, 8 и 10), где говорится об укрощении океана, причем в них звук [р] отсутствует.

И хотя Иов под бременем своих тяжелых страданий и несправедливых обвинений своих друзей проклял даже день своего рождения, но среди самого ропота в нем ярко просвечивает величие души его и надежда на милость Бога. За терпение и смирение Иову было возвращено все, что он потерял. Ветхозаветный герой, и вместе с ним сам поэт, пытается понять, возможен ли мир без справедливости, – и справедливость восстанавливается. Говоря об этом, поэт дарит человеку надежду на обретение справедливости на земле:

.....Он
Испытан Богом был – испытан строго:
Пустыня вся, страдальца слыша стон,
Дивилась, как он мог стерпеть так много!!
Но Бог воззрел и – все бывшее сон! –
Темнит нас грех, но чистит огонь страданий,
И сладок плод от горьких испытаний!..

Глинка говорит, что горестные жизненные обстоятельства, способность к страданию не следует рассматривать как наказание, они способствуют совершенствованию души, укреплению духа.

Патриотические чувства у Глинки одухотворены христианской верой, для него Отечество и православие были неразделимы: «Звучание лирического голоса в произведениях Ф.Н. Глинки поднимается до патетических высот благодаря не только мастерской и искусной огранке патриотических мыслей и порывов, но и той духовной силе и пламенной вдохновенности, которые черпались им в живительном источнике православной веры»¹.

В творчестве Ф.Н. Глинки представлены разные виды классической и романтической поэзии, они проникают друг в друга, поэтому жанры высокой поэзии несут отпечаток элегического псалма, а в философских элегиях и медитациях слышны отголоски одической поэзии. Отсюда и разнообразие художественных приемов и средств – от иносказания до фольклорных элементов. Поэт редко использует одно какое-то средство, чаще всего в его стихотворениях соединяются лексические, фонетические и синтаксические средства выразительности. В военных песнях поэт выражает патриотические чувства при помощи противопоставлений, построенных на общеязыковых и контекстуальных антонимах, при помощи синонимов, корневых повторов, сравнений, метафор². В духовной лирике, пронизанной преимущественно чувством тоски, покаяния, нравственного несовершенства человека, на первый план выступают слова-символы, иносказания, разного рода сравнения, антитеза³.

Конечно, жанровая принадлежность во многом определяет выбор стилистических приемов, но для большинства стихотворений характерны иносказание и связанные с ним слова-символы, метафора и сравнение, антитеза, различные повторы, звукопись. Все эти средства нужны Ф.Н. Глинке для того, чтобы пробудить

¹ Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М., 2002. С. 234.

² Егорова И.Д., Летучева В.П. Лингвостилистические особенности военных стихов Ф.Н. Глинки // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2014. С. 17–27.

³ Егорова И.Д. Слова-символы в псалмодической поэзии Ф.Н. Глинки // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей с международным участием. Киров, 2016. С. 54–60.

у читателя чувство патриотизма и любви к своему краю, своему народу, чтобы привить ему лучшие христианские добродетели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базанов В.Г.* Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л.: Гос. издательство художественной литературы [Гослитиздат], 1961. 471 с. С. 139–164; 409–438 (разделы «Федор Глинка» и «К истории декабристской романтической поэмы (Карельские поэмы Федора Глинки)»).

2. *Глинка Ф.Н.* Сочинения. М.: Советская Россия, 1986. 352 с.

3. *Зверев В.П.* Творчество Ф.Н. Глинки в контексте православной традиции русской литературы первой половины XIX в.: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 610 с.

4. *Зверев В.П.* Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. 541 с.

5. *Егорова И.Д.* Слова-символы в псалмодической поэзии Ф.Н. Глинки // Жанр. Стил. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей с международным участием. Киров, 2016. С. 54–60.

6. *Егорова И.Д., Летучева В.П.* Лингвостилистические особенности военных стихов Ф.Н. Глинки // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2014. № 2(26). С. 17–27.

7. *Сергеева О.А.* Путь к свету как одной из высших истин в поэзии Ф.Н. Глинки // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Захаров. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 96–110.

8. *Федосеева Е.Н.* Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Боратынского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. № 4. С. 166–172.

REFERENCES

1. Bazanov V.G. (1961) Essays on Decembrists' Literature. Poetry. Moscow; Leningrad. Goslitizdat Publ. 471 p. (See pages: 139–164; 409–438; the parts: «Fedor Glinka», «To the history of the Decembrist romantic poem (Karelian poems of Fedor Glinka)»).

2. Glinka F.N. (1986) The Collected Works. Moscow. Sovetskaya Rossiya Publ. 352 p.

3. Zverev V.P. (2002) F.N. Glinka's Creative Works in the Context of the Orthodox Tradition of Russian Literature of the first half of the XIXth century. The Thesis (Doctor of Philology). Moscow. 610 p.

4. Zverev V.P. (2002) Fedor Glinka – Russian Religious Writer. Moscow. Pashkov dom Publ. 541 p.

5. Yegorova I.D. Word-symbols in Glinka Psalmic Poetry. In: Genre. Style. Image: The Actual Problems of Contemporary Philology: The Intercollegiate Collection of Articles with International Participation. Kirov. 2016, pp. 54–60.

6. Yegorova I.D., Letucheva V.P. Linguostylistic Peculiarities of Military Poems by F.N. Glinka. *Izvestia of Smolensk State University*. Smolensk. 2014. No 2(26), pp. 17–27.

7. Sergeeva O.A. The Path to Light as One of the Highest Truths in F.N. Glinka Poetry. In: In: The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: Collection of Scientific Works / Ed. V.N. Zakharov. Issue 4. Petrozavodsk. Petrozavodsk State University (PetrSU) Press. 2005, pp. 96–110.

8. Fedoseeva E.N. Biblical Job's Complaints in the Poetic Interpretation of E.A. Boratynsky. *Bulletin MGOU. Series "Russian Philology"*. 2008. No 4, pp. 166–172.

Сведения об авторе:
Ирина Дмитриевна Егорова,
канд. филол наук
доцент
Смоленский государственный университет

Irina D. Yegorova,
PhD
Assistant Professor
Smolensk State University
galamaga81@mail.ru

**LINGUOSTYLISTIC CHARACTERISTICS OF FEDOR GLINKA'S POEM
"THE BOOK OF JOB. FREE PARAPHRASE OF THE BOOK OF JOB"**